

18+

Геннадий Атаманов

Время в моей власти Том II

рассказы, мемуары, публицистика, стихи

Геннадий Иванович Атаманов
Время в моей власти. Том
II: рассказы, мемуары,
публицистика, стихи

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48502818
SelfPub; 2019*

Аннотация

Наиболее крупный материал 2-го тома – "Мои родные староверы". О старообрядцах Горного Алтая, их исходе в начале 1930-х годов за границу, странствиях по свету: Китай, Бразилия, США, Швеция...

Содержание

Река детства	4
Мои родные староверы	25
Икона	26
Горный Алтай	33
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Река детства

Лето... Сияющий, белесо-голубой, уходящий в небо, в облака, в бесконечность – бесконечный летний день. Большой песчаный остров на самой середине широкой реки. Белый, промытый годами, веками, прокалённый колючим зноем, и синими-пресиними морозами зимой – крупный песок: чистый-пречистый, зёрнышко к зёрнышку – искринка к искринке! Зачерпнёшь в ладони – ан нет, не такой уж и белый: есть и серенькое, красненькое, голубое... А так – всё белое.

С одной стороны далеко до берега, с другой тоже, но на одной половине даже издали чувствуется скрытая мощь воды, до холодка по спине ощущается глубина: здесь фарватер, то и дело ползут чумазные тудяги-буксиры, эдак ровненько там и сям помятые; жизнь побила – она же и выправила! А на корме, над кипящей-бурлящей водой, в клубках дыма развеивается выцветший флаг. Не треплется – развеивается! В далёкой-далёкой провинции, за тысячи и тысячи километров от всяких границ, этот флаг – символ государства, символ работы на государство! Маленький, чумазый, неказистый буксир, урча, тянет за собой длинную-предлинную вереницу тяжких, смолистых брёвен, из которых потом делают доски, мебель, рамы для окон, много чего еще.

Неспешно проходят по фарватеру длинные баржи с песком и гравием: на ровной зелёной глади воды песок выделяется эдакими горами-барханами... А что? Вполне себе барханы : летом в Сибири жара несколько не меньше, чем в Сахаре... Ну, или в Средней Азии.

– Господи, песок-то зачем везут?! – сидя как-то на берегу и глядя на всю эту рабочую картину, удивилась мать. И правда: песка-то кругом – засыпать можно всё на свете. Не меньше, чем в Сахаре! Вот-вот, потому-то неподалёку и находится самый большой в России гравийно-песчаный карьер. А «песок» – гравийно-песчаная смесь, нужна для строительства. Так что матери извинительно её незнание: она же не

специалист... Да и я не специалист, просто более современный человек, поболее-пошире чего-то знаю...

А вот и красота! «Ах, белый теплоход, гудка тревожный бас, мелькает за кормой сиянье синих глаз»... Пустяки, набор слов для рифмы – но красиво! Правда, красив теплоход: сам весь белый, с трепетанием отблесков воды по бортам, с пестреющими на палубе лёгкими разноцветными одеждами отдыхающих, с весёлой музыкой, радующей душу и сердце...

Пролетают и скоростные пассажирские суда, невысокие, стремительные, ничего лишнего, цель одна: быстрее доставить людей к месту назначения.

От этих небольших скоростных – большая радость для купающихся, тех, кто не боится воды: могучие водяные валы, набегающие на отмель. Надо быстрее бежать навстречу волне, проплыть вперёд, чтобы покачаться там, на глубине! Замирает сердце, летят в глаза брызги – но это не страшно, на глубине, на фарватере волны широкие. Это на берег они валятся с шумом и грохотом, грязные, с илом, песком и всякой мутью. А здесь, на глубине, только качает волна, своя, родная вода...

Неисчислимый маломерный флот – несущиеся туда и сюда, поперёк и наискосок, всякие лодки-«казанки», катера и катерки оглашают речные просторы неумолчным зудом своих моторов. И от них на реке постоянная волна, постоянно баламутится у берега вода, а моторный зуд – как неотъемлемый фон всего речного пейзажа, возле большого горо-

да... В тон речному плеску и моторному зуду – музыка с ка-теров и «казанок» : плохой, непопулярной, что на какой-ни-будь лодчонке, что на комфортабельном теплоходе просто не держат...

Река Бия широка, и вся эта суета – здесь, на острове, сре-ди моря чистого, никем не тронутого песка воспринимает-ся весьма отрешенно. И странно: она как бы еще острее поз-воляет почувствовать свободу, одиночество, затерянность, сильнее ощутить счастье побыть наедине с собой, своими мыслями – а они всё огромные, необъятные, ничем не омра-ченные, как это бесконечное небо вокруг, как этот высокий берег вдалеке с долгими, золотистыми соснами-свечами с тёмно-зелёными вершинами, у самого края обрыва... И ты вспоминаешь, что там, среди этих сосен – жаркий запах смо-лы, перемешанный с запахами трав, гладко-пёстрая поверх-ность папоротника – и колючий корявый боярышник. В дет-стве босиком ты с опаской приближался к нему: а вдруг на земле – веточка, а на ней – острая жесткая колючка! А ягоды вязкие, слегка сладкие, с распадающимися во рту косточка-ми...

И еще одна ягода детства – здесь же, у этого песчаного обрыва: земляника. Невысокий кустик, у самой земли – и там, среди зелени, словно огонёк – ягодка. Такая радость была её встретить! И когда потом друзья-пацаны показали мне целые поляны другой ягоды – клубники... я даже заревновал к любимой ягоде : какая-то круглая, беловато-зеленоватая, да столько много... Не то!

А какая даль, какой простор открываются с обрыва! Река – с песчаными – и зелёными островами; тёмные, огромные – и недостижимые тополя на том берегу – и сам берег, сказочно далёкий, совсем чужой – и темнеющий в далёкой дали лес... И далеко-далеко, на самом краю неба – неровная ве-

реница синеющих гор; я долго, долго не знал, что это – горы, думал – облака, тучи... Оказалось – горы, Алтайские горы.

На берегу – жарко, от воды нет никакой прохлады, зной от солнца и раскалённого песка до самого вечера будет пронизывать всё вокруг: до колких искр выбеливать камни, до звона высушивать выброшенные волнами, бог весть откуда занесенные коряги и брёвна, догоряча нагревать воду в тихих, неглубоких местах – и тогда почувствуется запах тины, застоявшейся воды... А-а-а! Я и сейчас, через полвека, пом-

ню его, этот запах...

И все картины, звуки, запахи в конце концов приводят к самому главному в памяти – рыбалке, рыбалке детства!

Рыбалка в детстве, на реке детства... Накануне собираются несколько пацанов и идут копать червей. Идти далеко, километра три, через лес на болото. Это город, не деревня и не дача – здесь дождевых червей взять негде. Рядом с нашими домами – песок, горы песка: огромные самосвалы идут и идут, увозят его куда-то, на все лады трещит экскаватор, таская полные ковши, а горы становятся всё выше и причудливей.

Но мы прознали у взрослых, где есть черви, туда и идём. Поход за червями, копание червей – целая эпопея. Сначала топаем до леса, по пыльной дороге, где едут самосвалы (пыль – прямо до небес), потом по лесу, до трамвайных путей, потом – по шпалам до... заводауправления химкомбината! Это уж я спустя годы и годы узнал про химкомбинат и управление, а тогда – просто большой дом, за которым начиналось что-то вроде болота. Земля здесь черная, сырая, и червей полно. Никаких, конечно, лопат – ковыряли землю палками, руками, и всё собирали, собирали в банки червей. Часа по два, по три копали, набивая полные банки : а вдруг будет здорово клевать?! Вдруг червей не хватит... Страшно подумать!

Наконец, когда все уставали, надоедала возня в земле (в земле – не в грязи!), шли в обратный путь, представляя себе

картину завтрашней рыбалки. Шли уже в сумерках, домой приходили чуть не затемно, банку с червями ставили в коридоре в уголок, чтоб никто случайно не задел, не перевернул... А удочки ждали своего часа в сарае: дома у нас деревянные, двухэтажные-восьмиквартирные, а между ними – ряды сараев. У каждой квартиры свой сарай.

Удочки... Я описываю здесь события примерно... примерно 1962 года. Бамбуковые удилища уже продавались в магазинах, но стоили дорого, а семьи у всех самые простые, так что, так что... Зачем удочки покупать?

Сами делали. Бамбуковые только у некоторых взрослых, а мы ездили на трамвае в лес – за сухостоем. Долго, долго выбирали сухую хворостину, да чтоб длинная была, прямая, да не толстая (рука устанет!), не сучковатая. Выбирали, обстругивали, а леска-крючок-поплавок – оснащенная леска – стояла в магазине копейки. Но поплавок всегда ставили свой! Из пробки. Протыкаешь пробку шилом, вставляешь в проделанную дырку спичку – очень удобно : поплавок и на леске держится хорошо, и передвигается вверх-вниз легко. Мне до сих пор иногда снится прыгающий на воде пробочный поплавок – и только пробочный! Хотя за минувшие годы каких только поплавков я не видел...

Спать все укладываются пораньше, а утром, когда тени еще длинные-предлинные, встречаются двое : другие сладко спят, кого-то не пустили родители, а кто-то и на болото вчера ходил просто за компанию. Но эти двое рыбаков, как всегда,

топают быстро и молча : и до реки путь неблизкий, а надо еще подальше идти – не ловить же там, куда бегают купаться.

Не сказать, что эти двое – большие друзья, даже нет, в другие дни они всегда порознь, объединяет их только рыбалка, но это – страсть. Они еще много чего не знают: что утренний клёв, утреннюю зорьку – они проспали, что всерьёз клевать теперь будет только вечером, а впереди – огромный, яростно-жаркий день, взбудораженно-взбамученная от моторов река... Ну и ладно, потом узнают. Им так хорошо шагаётся, по холодку, рядышком, по пыльной дороге, под взгляды-искорки молоденьких пушисто-игольчатых сосен, да высоких колючих синих цветов, так любимых пчёлами... Шагают мимо зарослей полыни – выше их ростом! На Алтае полынь могучая, терпко-пахучая – как сама жизнь...

А мальчишкам пока – по десять-двенадцать лет, и всё будущее, весь мир для них – в сегодняшнем утре... На пути показалась большая, одиноко стоящая берёза – примета: значит, уже недалеко река. Последние торопливые шаги – и вот он, простор. Обрыв, песок, река, тополя-гиганты, синеющие вдалеке горы – и небо, небо, небо!

Пологий спуск по вязкому песку прямо к воде, чуток в сторону, на более гладкое, обкатанное водой место... Распутана леска, каждый пробормотал заветные слова: «На этот червячок ловись рыбка чебачок», плюнул на червячка – рыбалка началась. Пройдёт час, может, и не один, прежде чем шлёпнется и запрыгает на песке первая серебристая рыбка.

– Поймал?!

В песок на краю воды быстренько заталкивается ветка-колышек, к нему привязывается снizка: обрезаок толстой лески, где на конце крепко-накрепко – и точно поперёк – привачена спичка. Спичка проталкивается рыбе под жабры, выходит через рот – чебаку не больно! – и он спокойно гуляет... На привязи. И долго, долго ждёт своего собрата, для компании...

Удилища у мальчишек все-таки коротковаты, наживка всегда одна и та же (не доверяют они белым червям, «кобылкам»-кузнечикам, мухам, хлебному мякишу – даже и не пробуют), рыбацкого опыта – не о чем говорить, а Бия – река рабочая: катера-теплоходы-буксиры, и вода у берега постоянно взбаламучена, клёва – почти никакого, и чебаков на снizке прибавляется очень понемногу. Но появится неподалёку взрослый рыболов, как дядя Петя Берников: в невероятных – до ужаса интересных! – резиновых сапогах, с длинным бамбуковым удилищем, полным садком крупной рыбы – и грёзы мальчишек разгораются-усиливаются. Забродят они подальше, червь на крючке всегда самый свежий – и минуты, когда вдруг запляшет пробковый поплавок, туго пойдёт из воды леска, а потом резко заходит на снizке пойманный чебак, заставляя ожить полууснувших собратьев – делают часы незаметными. Пересчитывая, перебирая чебаков, пацаны вспоминают каждого.

– Вот этот ка-а-к рванул!.. А этот чуть в воду не ускакал!..

Жара стоит такая, что на песок ступить нельзя, взятый из дому хлеб превращается в сухари, вода слепит – аж круги перед глазами. Хочется есть, хочется пить, всё хочется...

Что интересно, никаких кепок (или там панам!) даже не знали – и даже не купались, чтобы хоть как-то освежиться (вы что?! а вдруг в это время клюнет?!). И ничего, за десять часов на 30-градусной жаре – никогда никакого тебе солнечного удара! Или там – «ухудшения самочувствия»...

Когда голод совсем уж допекал, кто-нибудь не выдерживал: давай поедим... За обедом – вода, хлеб, огурец – можно помаленьку очухаться от рыболовного наваждения, оглядеться, померить шагами свою тень, чтобы узнать время. Замерли на берегу старые тополя, отражая в своих ветвях бегущие блики от воды, стрекот кузнечиков сливается с треском моторок... Как недостижимая мечта далеко от берега стоит лодка, а в ней неподвижный силуэт рыбака: согнутая спина, кепка-блин, торчащие в разные стороны удилища... Почему мечта? Да мы были уверены: рыба – она там, далеко, глубоко, и чем дальше и глубже, тем крупнее рыба, тем больше её! Да так оно и есть – нам, у берега, доставалась мелочь, и только иногда, иногда что-нибудь покрупнее...

Все рыбалки у меня сейчас сливаются в одно целое – однако, случались и невероятные события – особые, из тех, что запоминаются навсегда. Появилась как-то мода ловить на донку. И вот, надев на крючок «салазана», добытого в навозных кучах, привалив удилища камнями, полезли было

мальчишки на высокий берег за бояркой. Тут одно из удилиц и заворочалось, вырываясь из камней...

Но стоп! Сначала про салазана. Салазан – это такой здоровенный-прездоровенный червяк, сантиметров двадцать длиной! Добывали мы этих салазанов в навозных кучах рядом с конюшней, неподалёку от места рыбалки – там одни салазаны и водились.

Когда мы были маленькие, еще только начинали осваивать рыбацкое дело, мы только этих салазанов на крючок и цепляли: большой червяк – рыба сразу его увидит, и кинется, и поймаётся! Потом уж поняли: чебаки его объедают, обрывают – и совсем не ловятся... Но иногда всё-таки брал верх азарт: а вдруг большая рыба поймаётся?! И цепляли салазана. Бесполезно...

Но донная удочка – она же как небольшая закидушка, крючок с грузилом летит гораздо дальше, чем на обычной поплавочной удочке. Тут и сделал, наконец, своё дело салазан: увидела его большая рыба – и тяпнула, всего, целиком – с крючком... И попалась!

Удилище заворочалось, вырываясь из камней. Моё удилице! Я качусь назад с горы, хватаю его – и едва не сваливаюсь в воду. Потянул – у поверхности показался широченный зеленоватый бок, тяжело хлопнул. А со всего берега уже сбежались зрители, помощники, советчики: «Тяни, волоки, дёргай!».

Ошалевший рыбак по привычке рванул удилице кверху

– так он всегда таскал чебаков, но... Вылетел только пустой крючок, а язь, ворочаясь уже у самого берега, еще раз блеснул своим серо-зелёным боком, всплеснул – и ушел на глубину...

– Ты ему губу порвал! – кричали вокруг. Неудачливый рыбак был не слишком огорчен, потому что и так оказался героем не только среди ребятишек, но и взрослых. Мой двоюродный брат, лет на пять младше меня, придя домой, радостно сообщил: «Генка яза поймал, только не машину!»...

Язом мальчишки называли один из самосвалов, возивших песок рядом с домами.

Хохотали, беспрестанно повторяли это восклицание еще не один день. Хотя ведь никакого «язза» я и не поймал! Да чего там: полвека прошло, а подобный «язз» даже не клевал – ни разу, за целых полвека...

И мне хочется думать: тот язь, счастливо спасшийся от сковородки, никому больше не попался, мирно прожил свой язиный век, и тихо упокоился на дне Бии. Может, там еще и сохранились его косточки... А не где-нибудь на помойке у сарая – раз уж так повернулось дело!

Да... Язы – язами, а ради десятка чебаков пацаны могли торчать на реке до самого позднего вечера, и утро этого же дня казалось далёким-далёким. Вообще, день у десятилетнего человека несравненно дольше, ярче, богаче событиями, чем у самого деловитого взрослого. Даже если он внешне однообразный и тягучий, как на рыбалке.

Ну, вот что это? Стоит мальчишка, по колено в воде, часами. С этой удочкой... О-о-о! В том-то и дело, что мальчишка – вне времени, и, сам того не зная, всегда хозяин своего времени. Это взрослый накрепко привязан к времени – своему хозяину... А мальчишка счастлив и свободен – как я сейчас, когда пишу эти строки! Давным-давно нет тех взрослых, что были с нами, да и многие сверстники ушли, но я, понимая жизненный закон, разрываю узы времени своею памятью, и светло грущу о них... Память – она и жизнь, и свобода... Чем крепче память, тем ярче жизнь, тем человек свободнее...

Не мешали рыбалке ни ветер, ни дождь, ни гроза. А гроза однажды случилась великая – такие бывают на Алтае как раз после страшной жары. Вот-вот еще всё было светлое, яркое, совсем не страшное: река хоть и сильная, но вся лучистая, тёплая, песок на берегу беленький, деревья тихие, спокойные. Вдруг стал налетать ветерок, на воде появились расплывающиеся в разные стороны островки ряби, дрогнули верхушки деревьев. Времени прошло чуть, а солнца как будто и не было. Вода стала пугающей, земля чуть тёплой, тополя замотались, заревели, стали косматые, задёргались их длинные черные руки-сучья... Далёкие черно-серые тучи вдруг прорезались длинными, извилисто-острыми, ярко-белыми, с электрической голубизной иглами – и ударил гром. Сначала далеко, эдак ворчливо-раскатисто...

– Илья-пророк на колеснице проехал, – говорили в таких случаях наши бабушки.

Затем ярко мелькнуло – и сразу ударило: ближе! Полетели крупные капли, белый песочек покрылся серыми точками – а тут и ливануло сразу так, что мы выскочили на берег, побросали удочки, схватили самое ценное – банки с червями – и рванули под тополя.

Ничего мы не знали: что у воды стоять опасно, и под деревьями опасно... Ну, не стоять же нам под ливнем, посреди песка! Я же говорю – ливень такой... Какой? Просто белая стена стоит, и света белого не видно! И время от времени гром бабахает так, что мы, стоя под тополями, аж пригибаемся. Сверкание – белая стена – и грохот, грохот такой, что внутри тебя где-то отдаётся...

Долго вокруг сверкало-лило-грохотало. Когда нашим спинам стало больно от глубоких корявых борозд тополиной коры, когда дождь пошел ровнее, один сказал другому: «В дождь лучше клюёт, вроде...». А дождя-то вообще никогда не боялись. Выбрались из-под тополиной кроны, нашли свои полужасыпанные песком удочки, надели на крючки свежих червячков – «на этот крючок ловись рыбка чебачок» – и рыбалка продолжилась.

Эти двое были, к счастью, людьми довольно свободными, то есть их не заставляли по несколько раз в день прибегать домой и отчитываться, куда пошел, да с кем, да чем занимаешься... Да – к слову: в те времена, после войны, в 50-е, 60-е годы, матери почти все днём были дома – не работали. Во-первых, детей много, во всяком случае, не по одному, во-вто-

рых, работы и дома достаточно: постирать, еду сварить – за детьми приглядеть... В-третьих, потребности невелики: на еду, одежду – зарплаты мужа вполне хватало. Никакой техники, никаких автомобилей, поездок в Турцию... Плата за жильё – копейки. Так продолжалось где-то до 1970-х годов, когда женщин решили активнее привлекать к строительству коммунизма, к общественным делам... Отправили на работу. Детей в семьях начало убавляться...

А тогда, в наше время, мамы, если что – всегда оказывались рядом.

Нас – тех, двоих, повторяю, не так уж и пасли, но тут случай особый.

– Вот они где! А мы весь берег обегали!

Мы обернулись – на берегу стоят наши перепуганные мамы.

– Вы посмотрите, что делается!

– А? Где что делается?..

– Да тополь-то весь расшибло молнией!

Это когда они спускались к нам с горы, то увидели: один из гигантов-тополей расколот надвое!

Мы бросили рыбалку, вместе с ними подошли, посмотрели... Тополь, еще недавно такой большой, живой и сильный, жалко белел в зелёной траве двумя половинами своего могучего ствола...

Удивлённые, потрясённые, мы смотали удочки, забрали снизки с чебаками... Благо, уже вечер, и так хотели идти до-

мой...

Пришли домой, матери сварили уху из пойманных нами чебаков, поужинали, уснули... Утром проснулись, посмотрели на весёлое солнышко – и все страхи забыли! Да и не было особого страха – нам было даже уютно под своим тополем – капли до нас едва долетали. Так, чуть капало. Удивил и поразил только разбитый тополь...

И вот, при такой-то любви к рыбалке, пропала однажды... удочка. Нет, её не украли, а получилось так. Бегали однажды ребяташки возле дома, и проходили мимо взрослые парни. Остановили пацанов, спросили, есть ли у кого удочка: «Мы порыбачим немного, а вечером занесём».

Все молчали.

– Ну, вот у тебя есть?

– Есть...

– Дурак! – крикнул, отбегая, один из пацанов.

Парни не обратили внимания. Интересные это были парни: в светлых рубашках, очень спокойные, не похожие на своих, живущих рядом.

– Мы отдадим, – говорили они. – У тебя мама есть?

– Есть...

– А папа?

– Нет...

– Надо отдать, конечно, да, надо отдать, – негромко переговаривались они.

Я принёс им удочку, они взяли, спокойно ушли.

Несколько раз выбегал я на дорогу, спрашивал у других пацанов: не отдали кому? И долго еще мне было как-то неловко: они ведь так хотели отдать, а я, наверное, сам виноват, прозевал, когда они проходили...

Ну, ничего... Это сейчас мне вспомнилось, а тогда – забылось. У нас и запасные удилица имелись, а леска стоила копейки...

На рыбалку мы ходили больше в июне, июле, когда в охотку, после учебного года. В августе, в конце августа на рыбалку ходили мало – иначе бы я запомнил! Почему? А клева-ло здорово – в любое время дня! Пескари. Река сильно меле-

ла, можно бродить по всяким отмелям, галечным перекатам, островкам, далеко уходить... Солнечно, но жары нет, даже подувает свежий ветерок. На первой пескариной рыбалке я малость растерялся: что ж это такое? Как закинешь – сразу клюёт! Но рыбёшка... Что это за рыбёшка такая?! Вроде, радость – пляшущий на воде поплавок, а вытащишь – и смотреть не на что... Кое-каких пескаришек даже отпускал – мелюзга! Да и снизка – одна смехота: спичка чуть не больше рыбёшки! Пришлось завести садок с мелкой сеткой.

Потом сообразил: начал брать пескарей покрупнее. Дома похвалили: оказывается, уха из пескарей испокон века считается одной из самых вкусных. Ну, ершей еще парочка попадётся, чебаков один-два... А то и окунёк. Уха – что надо! И я понял, что это такое – рыбалка пескариная...

Любая рыбалка – это река, вода, солнце, дождь – а то и гроза... А еще у меня на всю жизнь остались в памяти... стрижи! Высокий обрыв всегда был позади нас, и сквозь треск моторок, плеск воды, звуки музыки – мы постоянно слышали верезжание стрижей. Там, где начинается песчаный откос, спускающийся к воде, поднималась отвесная стена из твёрдой земли, и вот она была вся изрыта дырками, а туда-оттуда всё время вылетали-залетали черные стремительные птички – стрижи. Крутились в воздухе, издавая резкие звуки. Вerezжание. Наверное, даже наверняка, в этих норках были их гнёзда, хотя никаких птенцов мы ни разу не видели. Иногда мы стояли, наблюдая за стрижами. Один раз,

помнится, пришло нам в голову к этим дыркам полезть. Кажется, ступеньки мы проделали. Высоко, трудно, но долезли! Пацаны везде долезут. Попробовали расширить норки-дырки, прокопать подальше – ничего не нашли, не поняли, куда стрижиные ходы идут – и бросили это дело.

И слава богу. Очень хочется верить, что потомки тех, наших стрижей, живут-поживают на том же месте, и никуда не улетели, и никто их больше не тревожил...

Заканчивался август, заканчивалось лето, заканчивалась наша рыбалка. Приходила осень, зима, а с ними и серьёзная жизнь, учёба. Случались радости, и горести – детские, конечно, детские, но порой и совсем не детские. Когда бывало плохо – тогда, вечером, уже в постели, вдруг появится перед закрытыми глазами прыгающий поплавок на лучистой воде – и мягкий, тёплый свет успокаивающими волнами войдёт в душу и сердце, ласково погладит по голове с выгоревшими на солнце волосами, и придёт сон – спокойный и счастливый...

Не было у меня в те годы удачливой рыбалки, но прошло время – полвека! – и стало ясно: она вся была сплошная удача. Как сейчас вижу себя, десятилетнего, с самодельной удочкой на берегу... Значит, и сегодня мне увидится: среди скачущих лучиков, на тёплой воде – мой пробковый поплавок – на реке детства.

Санкт-Петербург,

25 августа 2012 года.

Мои родные староверы

Икона

Есть у меня одна икона... Стоит в Петербурге, на полке среди других икон. Она для меня – самая главная.

Другие, современные, купленные в церковных лавках за последние двадцать лет – самые разные: яркие, блестящие, закатанные пластиком – и самые простые, бумажные, производства 1990-х годов. Есть среди других и одна старинная: большая, потемневшая от времени, с металлическим окладом, в деревянном коробе, под стеклом – и лежит под ней чей-то давний венчальный веночек...

А моя – целиком из желтого металла, хоть и небольшая, но тяжеленькая, со следами грубоватого литья, и на обороте кое-где тронутая зеленью. Моя... Старообрядческая. Сколько ей лет? Не знаю, да мне и знать не надо. Досталась она мне от матери, Ольги Прокопьевны, а к ней попала... Самым необычным образом!

Где-то эдак в году 1965-м мать была в одной деревне под Бийском. Сидела на берегу речки, где купались местные ребяташки, и где ходил скот – коровы, лошади – место и шумное, и затоптанное... Мать надумала сполоснуть ноги, и заходя в воду, на чем-то поскользнулась – нагнулась, покопалась в песке-иле – и вытащила икону!

– Я сразу ее узнала, – такая была и у дедушки...

Икона лежала изображением вниз – потому и поскользнулась мать... Потому и сохранилась – не повредили ее ни конские подковы, ни тележные колеса, и ничто другое...

Почему нашла мать – будучи впервые на этой речке? Воля Провидения, воля Божия, никак не иначе!

Сколько лет пролежала? Трудно сказать. Могли забросить богоборцы 1920-30-х годов – да деревня-то не староверская, таких икон тут быть не должно. Получается – обронили с воза староверы, когда переезжали речку? А когда переезжали? Ого-го! Когда переселялись в глухие места, на пути в Горный Алтай, в поисках свободы для своей веры, свободы для себя, свободы от притеснений, в поисках царства добра и справедливости – Беловодья... А было это в конце 18-го – начале 19-го века... Впрочем, как утверждают историки, подобные иконы в массовом количестве начали лить во второй половине 19-го века, на Урале, и большинство алтайских икон – уральские. Есть еще один вариант, почему икона оказалась в реке: в 60-е годы двадцатого века начался кризис староверских общин, умирали последние носители веры, и когда священный предмет передать было некому, его, по обычаю, могли закопать в лесу, оставить на ветке дерева – или опустить в реку. Оставить на Божий промысел...

Найденная икона в Бийске лежала на этажерке, среди моих книжек-учебников, я иногда брал ее в руки, рассматривал... Ничего, разумеется, не понимая – просто как нечто из другого мира, необычное. Чтобы привесить ее на стену, хотя бы на гвоздик – и в голову никому прийти не могло. Зачем?.. Никто вокруг ничего не знал о Боге, о Христе, не знал молить, никогда не крестился – вообще ничего такого не знал и понятия даже не имел. А что имел – забыл...

Появись икона на стене – насколько бы она не соответ-

ствовала всему вокруг – и в доме, и за стенами дома – даже и сказать нельзя. Мы все были, я бы так определил – естественные атеисты. Много лет спустя я прочитал слова Иоанна Златоуста, смысл которых таков: если бы все люди были идеальные, то и религия была бы не нужна. Но мы-то совсем не идеальные, и грех вокруг бурлил и кипел...

Чего стоило одно только беспробудное пьянство моего отчима – и многоэтажные маты! Да и не отчим он был мне, а так... Прибился к нам когда-то мужик: вначале было что-то вроде похожее на семейную жизнь, а потом он просто жил сам по себе. Так десять лет и прожил. В пьянке, матах и табачном дыму – до самой смерти. Впрочем, это отдельный сюжет... Можно вспомнить и какие-то проблески, отчего я сейчас иногда поминаю Валентина Алексеевича... Но отдельный, отдельный сюжет – тем более что он был не из староверов.

Лежала себе икона, лежала – и привлекла внимание одного моего приятеля, начинающего коллекционера.

– Да это и не икона – так, от створня часть, – определил он. – Ты мне ее продай, на обмен пойдет.

От створня часть – это часть створчатой иконы, значит; а на обмен – это он ее обменяет на что-нибудь для себя подходящее... Хотя наше семейство находилось даже не в бедности, а в глубокой, настоящей нищете, в каком-то люмпен-пролетарском положении, и каждый рубль для нас имел значение (а он предлагал целых десять рублей), я продавать

отказался. Потом приятель приходил в мое отсутствие, пытался купить икону у матери – не купил... Не суждено было ей закончить свой путь в груди копеечных обменных предметов, переходящих из рук в руки.

Теперь стоит на полке в Петербурге, и смотрю я на нее с полным пониманием – давно уже. Хотя... Бывали такие времена – когда я только-только перебрался в Ленинград-Петербург... Не то что иконе – мне самому едва-едва находилось место – на полу, в чужом углу. Ей-богу, понятия не имею, как икона оказалась со мной в Ленинграде! Выражаясь по-ленински, я пребывал уже в архилюмпенском положении. Все свое ношу с собой – так сказать было нельзя. Все свое носил на себе. Однако икона тоже оказалась на берегах Невы... Да впрочем, какой там Невы! Обводного канала – грязно-мутного потока на краю исторической части города. Думаю, только икона и помогла преодолеть ад коммунальной жизни – жизни в коммунальной квартире, когда я не то что про икону – про самого себя-то едва помнил, заедаемый клопами и комарами, осаждаемый крысами – и страшными питерскими коммунальными алкашами. И на работе тоже был ад.

Икона где-то тихо ждала своего часа, когда я наконец возьму ее в руки, как в юности, рассмотрю – и поставлю уже на видное место...

Прошли годы, мое терпение вознаграждалось, волшебная жизненная шкатулка все более и более открывалась – в ней

находилась и счастье обретения веры – и вот икона дождалась того часа, когда на нее люди помолились. Правда, сначала не я, а мои гости – православные люди из Америки, русские старообрядцы из штата Орегон – потомки тех староверов, которых двести лет назад икона хранила на их трудном пути в Горный Алтай, в поисках свободы, добра и справедливости...

Горный Алтай

Мои родные староверы почти все родом из Горного Алтая. Даже если они проживают, или происходят из Орегона, Бразилии, Китая – даже с Аляски – все равно их корни – в Горном Алтае! А самые близкие мои родные – конечно, из Бийска, где я и родился, и где с детства был окружен своими родными – староверами. Все корни которых – в Горном Алтае, и с той поры, как я начал что-то понимать, на всю

жизнь усвоил: Верх-Уймон, Усть-Кокса, Кокса, Мульта, Катунь, Белуха и другие названия сел, рек, речек и гор – даже и не зная, что это такое и где находится.

Село Верхний Уймон с горы Верхушка. 2011 год.

Особенно часто упоминался Верхний Уймон – родное село матери и тетки – Татьяны Прокопьевны, тети Тази. Она мне была как вторая мать...

В конце 1950-х – начале 60-х годов, когда мне 8-10-12 лет, родственники мои были еще люди молодые. Молодые, но уже и не молоденькие – под 40, за сорок. Горный Алтай, где прошло детство и юность, они покинули уже давно, началась пора воспоминаний...

Верхний Уймон... И дедушка: Вахрамей Семенович Атаманов. Именно он упоминался в первую очередь, не мама даже – Марьяна Карпеевна, не отец – Прокопий Варфоломеевич, а дедушка – Вахрамей, по книжному – Варфоломей. Он был глава большого кержацкого семейства – полновластный хозяин дома, всего хозяйства, распорядитель всех житейских и жизненных дел. И все это значило одно: он сам

– первый работник, не указчик, не приказчик, а работник. Кстати: кержаками, как я понимаю, сами себя уймонские старoverы не называли – так их называли люди сторонние.

Работа... Работа с раннего утра – и до позднего вечера, по-другому и быть не могло. Представьте только себе – нет электричества, нет почти никакой техники, а любой продукт, любой товар нужно произвести, изготовить самому: хлеб, мясо, масло – одежду, телеги, доски – все, все, все!

– Ох, рученьки мои, рученьки! – махал руками в изнеможении Вахрамей Семеныч, – рассказывали мне мать и тетка.

Помашет руками, передохнет чуть-чуть – и снова в работу...

К работе приучались все, с раннего детства.

– Мы – пояски ткали, – говорили мне тетка и мать.

Пояс – важная часть староверского бытия, даже не одежды, а именно бытия! Им подпоясывались рубахи и сарафаны, без него нельзя находиться никогда, и никогда не снимать. Почти как нательный крест! Он отделял человека от греховного мира, оберегал от нечистой силы... Кроме обиходного значения он еще и предмет веры, символ веры.

Пояс является любимым изделием староверов, изготавливается их много, самых разных цветов, орнаментов и видов. У каждого в доме хранится целый запас поясов: пользуются

ими сами и одаривают гостей. У меня дома в Петербурге – целая коробка с поясами из Орегона! Они украшены не одними только геометрическими орнаментами, но и мудрыми изречениями из старообрядческих книг. Например: «Богородица, благословен плод чрева твоего, яко родила еси Христа Спаса, избавителя душам нашим»...

Из Орегона – то же самое, что из Горного Алтая, Уймона, и окрестных сел, где сейчас возрождается традиция изготовления поясов. Достают из оregonской коробки, рассматривают... Теперь достают привезенные из Верхнего Уймона – то же самое. Слава Богу, слава Богу – жива традиция, не этнография – сама жизнь!..

Впервые жизнь Верхнего Уймона я увидел в далеком 1964 году, когда мне было 14 лет, и нигде кроме Бийска я до этого не бывал... Чисто городской парень.

– Прямо Древняя Русь, – заявил я, стоя посреди улицы и оглядывая все вокруг.

До-о-лго потом мои родственники посмеивались, пересказывая друг другу мои слова... Бревенчатые дома, старые, от времени – серые, словно шелковые. Самое большое впечатление произвели заборы, ограды – так называемые прясла: толстые длинные жерди, лежащие своими концами на широких торцах вкопанных в землю бревен. Очень основательные сооружения.

Дома – вида сурового, безо всяких наружных украшений. Внутри – довольно просторные: большая русская печь, гор-

ница, полати, широкие лавки вдоль стен... Узнала ли все это моя душа, отозвалась ли как-нибудь? Удивительно: нет! А ведь за мной стояли десятки крестьянских поколений – и многие века деревенской жизни. Как же легко обрубаются человеческие корни – одним ударом!..

К тому же я был уже почти взрослый, и жизни деревенской, повторяю, не видел. В Бийске мы жили в районе так называемой новостройки: двухэтажные кирпичные, деревянные дома, бараки – потом появились панельные пятиэтажки. Вокруг кипела Всесоюзная ударная комсомольская стройка! Строили целый комплекс оборонных предприятий, в народе называемый «лесные братья»: они находились в лесу. Благодаря этим «братьям» город вырос, думаю, раза в три... В Бийске появились невиданные доселе люди: москвичи, ленинградцы, да еще «чучмеки» – так называли кавказцев. И прочие, прочие, прочие... Были даже академики, как я потом узнал!

Ну, а я со всем своим окружением очутился в «бараках коммунизма». Это был прогресс! До того, после потери всего имущества и хозяйства – от «раскулачивания» – мои родные староверы, оказавшись в Бийске, снимали углы... А некоторые и без «раскулачивания» сбежали в город – жить в деревне невыносимо...

«Баракы коммунизма» разнообразны: мне довелось пожить и в интернате, и даже, недолго – в детдоме. Я становился настоящим советским человеком – что называется, до мозга костей. Естественным атеистом. Притом очень подкованным! Запросто мог целый кроссворд разгадать. Мой отчим, Валентин Алексеевич, бывший интеллигент, нередко посылал меня в газетный киоск.

– Сбегай, возьми газет – всех по одной.

Газеты стоили копейки, я притаскивал домой целую пачку, «всех по одной» – и мы сидели, и все подряд читали: и про международное положение, и про социалистическое соревнование, и про дальние города и страны, и строительство коммунизма, и «религиозный дурман»... Про все на свете.

Так что стоял я, четырнадцатилетний подросток, посреди уймонской улицы, как настоящий гражданин мира. Хотя из «бараков коммунизма» – но с мыслями о Париже и Нью-Йорке!

А в Уймоне жизни не было – так мне тогда показалось. Человеческая память устроена таким образом, что подростковые впечатления помнятся гора-а-здо лучше, чем, скажем, 30-летние, 40-летние... Помню я все прекрасно. Нет, разумеется, был в Уймоне колхоз, были фермы, поля, трактора, покосы и все остальное, только деревня стояла пустая... Покажется старик, пробежит ребенок – и больше ничего. Грязь на дороге, серые избы, заборы – и тишина. А если вспомнить, что это начало 60-х годов, то и все остальное тоже серое: одежда, предметы – все... А главное – пустота. Мне еще мать говорила, что после войны деревни и села опустели.

– До войны по деревне идешь, народу – полно! Разговоры, смех, веселье было, все как-то в жизни уже утряслось. У меня даже гитара была, хоть я и в чужом углу жила. Устоялось, утряслось... А после войны – пустота...

Пустоту я и заметил.

Однако, были времена, когда жизнь в Уймоне текла широко, полнокровно, естественно, когда люди работали для того, чтобы жить, знали время для отдыха и для праздников, всегда помнили о Боге – и знали, для чего они живут. Мои родственники получили прививку из этой жизни, но, едва войдя в жизнь, были от нее оторваны... Прививка, однако,

оказалась столь сильна, что они прожили свою жизнь... ну, почти в соответствии со словами Иоанна Златоуста! Потому и я, пишущий сейчас эти строки, истинно дивлюсь самому себе: и тогдашнему, 14-летнему, и 40-летнему, и даже 50-летнему... Не было же ничего, чтобы я начал истинно жить! Только молитвы моих родственников, бабушек и дедушек, стоящих у престола Божия, и просящих за меня...

У престола Божия, в красоте Божией они прожили свою жизнь и здесь – на земле. Беловодье – они ведь и нашли его – и создали! Хотя, по сердечной простоте, все продолжали искать, и мечтать о нем...

Красота Божия – это Уймонская долина, что в самом сердце Горного Алтая, и где расположились деревни Верхний Уймон, Нижний Уймон, Мульта, маленькая Тихонья – и большая Усть-Кокса...

Горный Алтай, деревня Тихонькая. 2010 год.

А вокруг – зеленые горы, а вдали – горы в снежных шапках: белки... Впервые на одну из ближайших гор я забрался тогда, в 1964-м, вместе с одним из многочисленных родственников, троюродным братом. Вот, я стою на фотографии, сделанной им: за мной, внизу – районный центр Усть-Кокса, а в долине сливаются реки, зеленая – Кокса, и голубая (белая!) – Катунь. И синее небо... Цвета я запомнил с тех

времен – а фотография, разумеется, черно-белая.

Любовался ли я всем этим тогда? Человек в таком возрасте не любит – он живет всем окружающим миром!

Как и жили мои родные староверы, во всяком возрасте... Работали, растили детей – и растили свою пшеницу, которую любовно называли «Аленька» – за ее красноватый цвет. Особая пшеница, из нее, говорят, пекли караваи к царскому столу.

Скота до революции 1917 года держали без счета – масло также попадало в Зимний дворец... А в лесах, в горах – ягоды, грибы, всякие растенья и коренья, а в реках – рыба...

Божия благодать.

... «И считает Вахрамеем число подвод с сельскими машинами. Староверское сердце вместило машину. Здравое судит о германской и американской индустрии. Рано или позднее, но будут работать с Америкой... Народ ценит открытый характер американцев и подмечает общие черты. «Приезжайте с нами работать», – зовут американцев. Этот дружеский зов прошел по всей Азии.

После индустриальных толков Вахрамей начинает мурлыкать напевно какой-то сказ. Разбираю: «А прими ты меня, пустыня тишайшая. А и как же принять тебя? Нет у меня, пустыни, палат и дворцов...».

Знакомо. Сказ про Иосафа. «Знаешь ли, Вахрамей, о ком поешь? Ведь поешь про Будду. Ведь Ботхисатва – Ботхисатв переделано в Иосаф».

Так влился Будда в кержацкое сознание, а пашня довела до машины, а кооперация до Беловодья.

Но Вахрамей не по одной кооперации, не по стихирам только. Он, по завету мудрых, ничему не удивляется; он знает и руды, знает и маралов, знает и пчелок, а главное и заветное – знает он травки и цветики. Это уже неоспоримо. И не только он знает, как и где растут цветики и где затаились коренья, но он любит их и любитесь ими. И до самой седой бороды набрав целый ворох многоцветных трав, просветляется ликом, и гладит их, и ласково приговаривает о их полезности. Это уже Пантелей Целитель, не темное ведовство, но опытное знание. Здравствуй, Вахрамей Семеныч! Для тебя на Гималаях Жар-цвет вырос».

У дома Атамановых. Мужчина слева, в белой рубахе – мой дед Прокопий с дочерью Олей – моей мамой. Рядом с Прокопием – Вахрамей Атаманов. 1926 год

Так пишет о моем прадеде в книге «Алтай – Гималаи» художник Николай Константинович Рерих... Во время своей Центрально-азиатской экспедиции 1923-1928 годов, летом 1926-го, Рерих останавливался в доме Атаманова в селе Верхний Уймон в Горном Алтае. Несколько десятилетий там

существует музей, построенный, созданный поклонниками Рериха со всех концов Советского Союза, России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.